

0293

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кара Колтер
**СИЯЮЩИЙ
МИР**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кара Колтер
Сияющий мир

«Центрполиграф»

2010

Колтер К.

Сияющий мир / К. Колтер — «Центрполиграф»,
2010 — (Любовный роман – Harlequin)

Нейт Хетоуэй, потеряв жену и лучшего друга, пришел в отчаяние. Ни один лучик солнца не проникал вглубь темницы, в которую он заточил свое сердце. Таким нашла его Морган Мак-Гир, молодая учительница, живущая фантазиями, все еще не утратившая веры в волшебство. Морган, подобно ангелу, ворвалась в мрачный мир Нейта и осветила его, пробудив в душе несчастного странное, неизвестное чувство...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кара Колтер

Сияющий мир

Роман

Глава 1

Слезы. Книги и карандаши разбросаны повсюду. Кричат, ругаются, таскают друг друга за волосы.словно сцена из телепередачи, которую публика так любит, – шоу со скандалами, отчаянными поступками, интригами.

Но это было вовсе не шоу, а жизнь Морган Мак-Гир, и ей было ничуть не легче оттого, что все участники этой драмы еще под стол пешком ходили. Главнейшим событием этого дня для двадцати одного ребенка в ее классе стала известная всем малышам увлекательная игра куча-мала.

Морган, учительница первого класса, приступившая к работе всего год назад, мрачно подумала, что в педагогическом колледже к такому не готовят.

Справедливо или нет, но она во всем обвиняла именно его. «Он» – Нейт Хетоуэй, отец Сесилии Хетоуэй, девочки, вокруг которой сегодня и заварилась вся каша, то есть куча.

Морган Мак-Гир остановилась и посмотрела на табличку. «Кузница Хетоуэй». Ее сердце бешено колотилось в груди, и дело было не только в быстрой ходьбе, отнюдь.

– Не делай этого, – сказала Мери Бет Адамс за ланчем, когда Морган спросила, стоит ли ей навестить льва в его логове.

– Но он игнорирует мои послания. Он не подписал разрешение для Сесилии...

– Сесилии?

Морган вздохнула:

– Эйс. Ее настоящее имя Сесилия. Мне кажется, в ее жизни должно быть больше женственности – включая ее имя. И прическу – из-за этого и началась первая драка сегодня утром.

Стрижка осталась прежней, но вот прическа была в высшей степени необычной. Как он вообще позволил ей в таком виде выйти из дому?

– А потом, – продолжила Морган, – один ребенок услышал, как я спрашиваю ее насчет разрешения на участие в «Рождественском ангеле». У нее его не было.

В Кентербери, штат Коннектикут, ожидали постановку спектакля «Рождественский ангел». Этот город выбрал стареющий трубадур-отшельник Уэсли Уэлхэвен для второго рождественского выступления.

Новость о том, что мистер Уэлхэвен возьмет учащихся первого класса для хора – если отец Сесилии подпишет разрешение, – привела детей в состояние необыкновенного возбуждения.

– Морган, репетиции начнутся на следующей неделе! Миссис Уэлхэвен приезжает, чтобы руководить хором! – выпалила Мери Бет, как будто ее коллега об этом не знала.

– Я в курсе. И уже сказала детям, что либо они все принимают участие, либо никто.

– Глупо, – заключила Мери Бет. – Пусть Эйс Хетоуэй просто сидит в зале и читает книжку, пока остальные репетируют.

– Нет! – возмутилась Морган.

Однако тем временем на Сесилию смотрели как на всеобщего врага из-за того, что только у нее не было разрешения.

– Если я не поговорю с ним, Сесилии и дальше придется несладко.

Мери Бет покачала головой:

– Пусть она просто сидит в зале.

– Дело не только в этом разрешении, мне нужно обсудить и другие вопросы.

– Ты слышала о том, что лучше не будить лихо, пока оно тихо? Вот это как раз о ее отце.

Нейт и до смерти жены не был приятным парнем, а уж сейчас... – Мери Бет умолкла, а потом продолжила: – В конце концов, не только Нейт во всем виноват. Дети всегда на взводе перед Рождеством, а уж с этой каруселью вокруг «Рождественского ангела»...

Естественно, Морган проигнорировала разумный совет Мери Бет и отправилась к мистеру Хетоуэю.

Вздыхнув, Морган свернула и пошла по усыпанной гравием дороге, обсаженной по обеим сторонам деревьями, с которых облетели почти все листья и теперь, желтые и красные, шуршали под ногами.

Морган приблизилась к когда-то уютному белому домику, спрятавшемуся за деревьями. Очевидно, что раньше за ним с любовью ухаживали, теперь же дом выглядел немного заброшенным. На клумбах росли не цветы, а сорняки, мрачные и увядшие. Темно-синяя краска, которая когда-то оживляла жилище, облупилась на рамах и двери, спрятанной под фигурной аркой.

Несмотря на то что уже опускались сумерки, в окнах не горел свет. Морган знала, что Сесилия оставалась на дополнительные занятия в школе.

Дорога огибала дом, ведя к маленькому каменному строению, словно из прошлого века. Из трубы шел дым, в окнах наверху горел свет. Морган поняла, что это была кузница.

Она подошла ближе. На крепкой двери под аркой, повторявшей ту, которая была в доме, висела табличка: «Уходите прочь».

Пожалуй, на такую недружелюбную надпись стоило обратить внимание, но Морган набрала в легкие воздух, шагнула вперед и постучала. И ей никто не ответил.

Однако Морган была решительно настроена на то, чтобы не позволить больше этому мужчине игнорировать ее! Она снова постучала и потом, опять не дождавшись ответа, повернула ручку и вошла.

Морган ожидала увидеть дым, языки пламени в темноте, но просторная комната оказалась чистой и уютной. Солнечные лучи уже не проникали сквозь высокие окна, и была включена лампа, хорошо освещавшая все помещение.

Морган окинула помещение взглядом, увидев корзины, полные металлических изделий, армия вешалок и подставок для чайников. При других обстоятельствах она бы с большим интересом осмотрела все это. Но сегодня ее внимание привлекал мужчина, стоящий у очага, спиной к ней. Несмотря на то что он, скорее всего, слышал и стук, и то, как она вошла, Нейт Хетоуэй не обернулся.

Вид сзади, надо признать, был впечатляющий. Густые блестящие темные волосы были перехвачены на шее кожаным фартуком, надетым поверх джинсовой рубашки. Плечи были широкими и сильными, фигура сужалась к талии, выцветшие джинсы облегали узкие бедра и идеальной формы ягодицы.

Несмотря на то что все женщины в Кентербери с почтительным придыханием произносили его имя, Морган все же не была готова ощутить его присутствие, дух мужчины, который наполнял комнату вокруг.

У Морган перехватило дыхание, и на секунду в голове мелькнула постыдная мысль просто дожидаться, пока он повернется. Но она тут же одернула себя: она пришла сюда из-за шестилетнего ребенка, который нуждался в помощи. И кроме того, ей уже надоело терять голову из-за привлекательных мужчин. Воспоминания о разрыве с женихом все еще отдавали горечью. Все из-за того, что она имела наглость всерьез рассматривать низкооплачиваемую работу учителя в крохотном городишке. Карл, ее жених, был откровенно раздражен этим и тем, что его собственные блестящие перспективы не шли в счет.

Так что Морган начала новую жизнь в Кентербери. Никаких больше бабочек в животе, никаких розовых очков. Даже ее мать, которой, как казалось Морган, нравился Карл, вздохнула с облегчением, узнав о разрыве.

«Милая, пожалуй, тебе пора сделать паузу в поиске замены твоего отца. Я чувствую себя виноватой».

Впрочем, вина была не настолько тяжелой, чтобы мать отложила отпуск в Таиланде и провела Рождество с дочерью. Зато в знак сочувствия она подарила ей книжку «Радость одиночества». И несмотря на первоначальное пренебрежение такой заменой родительского совета, Морган с удивлением обнаружила, что ей нравится эта книга! Оказалось, что она была абсолютно права, разорвав помолвку, что теперь ей нужно научиться полагаться только на себя, а не на своего бойфренда. И не на мать.

Целых два с половиной месяца после начала учительской карьеры Морган наслаждалась принятием решений, своим новым домом, даже покупкой любых продуктов и не опасалась увидеть неодобрительную гримасу: «А ты знаешь, сколько здесь калорий?»

Как и обещала «Радость одиночества», каждый новый день был очередной авантюрой. Но сейчас, когда мужчина в кузнице повернулся к ней, Морган впервые осознала смысл слова «авантюра»... Потому что черные глаза – глаза пирата – говорили ей о приключениях таких темных и загадочных, что по ее телу пробежала дрожь. Да, обладателю этих глаз было не привыкать к независимости.

Морган лихорадочно вспомнила лиловый диван, который Карл, да и ее мать тоже возненавидели бы. Амелия Эйнсвози, автор «Радости одиночества», посвятившая целую главу выбору мебели, гордилась бы ею.

Но сейчас эта покупка казалась совсем не такой значительной, когда Нейт Хетоуэй стоял, пристально глядя на нее, а его недружелюбное выражение лица напоминало о табличке на двери. Он был жесток. Циничен. И непоколебим. В одной руке он держал клещи, раскаленные докрасна.

У Морган перехватило дыхание. Отец Сесилии, один из лучших в мире мастеров по тонкой работе, с его классическими чертами лица, высокими скулами, безупречной линией носа, решительным подбородком и чувственными полными губами, был самым привлекательным мужчиной из всех, кого она когда-либо встречала.

– Вы что, читать не умеете?! – прорычал он. – Я не принимаю гостей.

Его голос был хриловат, нетерпелив и... невероятно сексуален. По коже Морган побежали мурашки.

Но Нейт уже отвернулся, положил клещи на наковальню и ударил по ним молотом. Морган как зачарованная наблюдала за игрой послушных мускулов на его руках и спине.

– Э-э-э... Мистер Хетоуэй, я умею читать, и я пришла не в гости. Я учитель Сесилии.

Молчание было долгим. Затем мужчина вздохнул и бросил на нее неприветливый взгляд:

– А, миссис Мак-Гир.

Он опустил металл в воду и снова посмотрел на Морган, словно оценивая ее. Может, из-за необычайного цвета его темных глаз он казался разбойником с большой дороги или пиратом – кем угодно, но не отцом шестилетней девочки.

Морган втянула в легкие воздух. Было просто необходимо вспомнить, зачем она сюда пришла.

– Вообще-то мисс. Дети упрямо называют меня миссис, я пыталась их поправлять, но сдалась. Любая женщина старше двадцати будет «миссис» для шестилетнего ребенка. Особенно учительница.

Морган со смущением осознала, что это выглядит так, будто ей обязательно нужно дать понять ему, что она не замужем. Но, да простит ее Амелия, она вовсе не имела это в виду!

– Значит, мисс Мак-Гир, – равнодушно ответил Нейт, не выказывая никакого интереса.

Он сложил на груди мускулистые руки и посмотрел на нее, даже не скрывая нетерпения.
– Просто Морган, – сказала она.

Зачем она это сделала? Морган объяснила себе, что хотела всего лишь проверить, сможет ли преодолеть барьер между ними – иначе ее нынешняя миссия была обречена на провал. Но в глубине души она знала, что это не так. Правда была в том, что Морган не хотела быть всего лишь учительницей, то есть очередной занудной и правильной до зубовного скрежета дамой. Частичка ее души, слабая и безвольная, хотела, чтобы Нейт видел в ней женщину.

...Вряд ли это понравилось бы Амелии.

Но он был дьявольски соблазнителен. Глядя на его губы, упрямо сжатые, но при этом невыносимо чувственные, Морган ощутила готовность поддаться соблазну.

– Я вижу, что Сесилии повезло с отцом, который любит ее... – сказала Морган.

Фраза звучала так, словно была заучена наизусть. Она такой и была, и слава богу, что Морган вообще хоть что-то сочинила заранее, иначе, несмотря на «Радость одиночества», она так и стояла бы, глупо таращась на Нейта, ошеломленная его красотой и мужественностью.

Правда, было бы лучше отрепетировать фразу без слова «любовь». Потому что... разве не так действуют падшие ангелы? Они соблазняют наивных женщин, которые готовы поверить в то, что любовь может смягчить жесткие линии этого лица, растопить его сердце?

Нейт ничего не сказал, но было очевидно, что Морган зря надеялась на какой-то отклик с его стороны. Его губы сложились в циничную усмешку.

– Сесилия ведет себя как ребенок, уверенный в своем положении в этом мире.

Вообще-то Морган намеревалась намекнуть на то, что Сесилии неплохо было бы чувствовать себя уверенно не только в драке, но решила оставить это на другой раз. То есть если этот «другой раз» наступит, что было маловероятно, судя по лицу отца девочки. Морган хотела упомянуть и о смерти матери, но поняла, что этой теме следует избегать.

Несмотря на то что ничего в облике кузнеца не предполагало интереса к разговору, Морган упрямо продолжила, совершенно забыв о «Рождественском ангеле»:

– Возможно, воспитание ребенка, воспитание девочки, представляет для вас некоторую проблему, мистер Хетоуэй.

«Это не твое дело, – предупредила Мери Бет, когда Морган сказала, что может поднять этот вопрос во время встречи. – Ты – учитель, а не семейный психолог».

Морган не думала, что только семейный психолог может обсуждать с Нейтом поведение его дочери. И хотя Хетоуэй проигнорировал ее сообщения, Морган не собиралась сдаваться.

Очевидно, он не любил, когда ему указывают на его ошибки – голос его был холоднее коннектикутского ветра, который как раз выбрал удачный момент, чтобы завывать снаружи.

– Ближе к теме, мисс Мак-Гир.

Сесилия нуждалась в ней, и, возможно, именно эта мысль придавала Морган храбрости.

– Над Сесилией смеются дети.

Несколько широких шагов – и вот он уже стоит, глядя на нее сверху вниз, гипнотизируя черными глазами. Морган чувствовала его запах, запах мужчины: жар, раскаленное железо и мягкая кожа.

– Какие дети? – с угрозой спросил он.

Ей пришлось задрать подбородок, чтобы посмотреть на него. И ей совсем не понравилось то, что она увидела: глаза опасно сузились, на скуле подрагивает жилка. Стоя так близко, она заметила следы бакенбард, которые оттеняли невыносимо высокие скулы и мужественный подбородок. Так он выглядел еще более неукротимым, чем издали. Его губы были такими чувственными, что могли лишить женщину воли.

– Дело не в детях, – с трудом выдавила Морган, оторвавшись от соблазнительной линии его рта.

– Черта с два, именно в них!

– Вы ведь не думаете, что я назову вам их имена.

– Вы скажете мне, кто насмехается над моей Эйс, а я позабочусь об этом. Раз уж вы не в состоянии.

Морган вздрогнула, услышав обвинение, и тут пробудилась ее воля. Она готова была защищать учеников, как медведица своих малышей. Порой, глядя на море жизнерадостных лиц, она поражалась тому, как малы и хрупки шестилетние дети.

А после таких дней, как сегодня, она удивлялась тому, как невинность может превратиться в ходячий кошмар. И все равно она не собиралась доносить ему на собственных учеников!

Морган вздохнула, надеясь, что буря эмоций не отражается на ее лице.

– Мы говорим о детях. Как вы собираетесь «позаботиться» об этом?

– Уж точно не устраивать на них охоту, – ответил он с презрением в тщательно контролируемом голосе. Все же его мускулы предательски напряглись, выдавая гнев.

Взгляд Морган остановился на каплях пота на словно выточенном лице. Она не могла даже шевельнуться – к счастью. Иначе бессознательно облизнула бы губы, пересохшие от того жара соблазна, что источал этот мужчина.

– Я не собираюсь иметь дело с детьми, – мягче добавил он. – Но я вырос с их родителями и мог бы с ними поговорить.

В его голосе слышалась явная угроза. Вместе с тем дело было в его любви к дочери, в желании защитить ее. И эта любовь растопила сердце Морган быстрее, чем это мог бы сделать пылающий в очаге огонь.

– Мистер Хетоуэй, вам нужно сделать совсем немного, чтобы помочь Сесилии дома...

– Раз уж у вас не получилось сделать это в школе?

Морган сразу же ошетибилась. Она не позволит так нападать на себя!

– Это несправедливо! – Она обрадовалась, что ее голос звучал спокойно. – В моем классе двадцать один ребенок. Я не могу каждую секунду быть с каждым из них, следя за тем, что они говорят между собой о Сесилии.

– И что же они говорят?

Морган многое могла бы припомнить: как дети издевались над ее волосами, прежде чем она их подстригла, как кто-то жестоко высмеял то, что девочка носит одну и ту же одежду... Несмотря на то что ее платья были всегда чистыми, они совершенно выцвели. Смеялись и над тем, что Сесилия ходит в мальчишечьих ботинках, а не в туфлях... Девочка же не собиралась этого терпеть и сразу же пускала в ход кулаки. И теперь, глядя на стоящего перед ней мужчину, Морган понимала, от кого она это унаследовала!

И все же молодая учительница гордилась тем, что находила выход из каждой ситуации. Ее удручало то, как скоро находился повод для новой драки. Следовало добраться до сути проблемы.

– Например, сегодня утром Сесилия пришла в школу с очень... э-э... странной прической. Боюсь, это стало поводом для насмешек еще до того, как девочка рассказала о том, как она это сделала.

– Она сказала мне, что это был гель для волос.

– Это был гель, но не для волос.

Нейт вопросительно посмотрел на нее.

– Она не понимает разницы. Сесилия использовала гелевую зубную пасту.

Он беспомощно запустил руку в густые волосы.

– Вы сказали ей что-нибудь насчет ее прически перед уходом в школу? – спросила она.

– Да, – нерешительно ответил он, и в его броне появилась трещина. – Я сказал, что ее волосы выглядят немного... острыми.

Ну да. Именно такими они и были. Но Морган хотела, чтобы ее воспринимали всерьез, и поэтому не позволила себе улыбнуться.

– Мистер Хетоуэй, если вы отправляете дочь в школу с акульим гребнем на макушке, конечно же ее будут дразнить!

– Откуда я знаю, что модно среди шестилеток?! – возмутился он, и его броня дала еще одну трещину. – Честно говоря, я подумал, что это попытка вернуть себе тот стиль Маугли, как до того, когда я уговорил ее подстричь волосы.

Воспоминания об этих парикмахерских баталиях промелькнули перед его глазами. Морган посмотрела на его руки. Было непросто представить, как он старается умирить свою силу, чтобы справиться с непослушными волосами дочери.

– Это не самый удачный стиль для маленькой девочки, – твердо заявила она. – Дети были совершенно безжалостны, даже после того, как я объявила тему закрытой. Сесилию называли Капитаном Колгейт, Принцессой Зубной Пасты и Мисс Лягушка Блендамед.

– Готов поспорить, про лягушку придумал сын Бредли Кэмпбелла, – мрачно произнес Нейт. – Эйс говорила мне, что он и раньше называл ее Мисс Лягушка из-за ее голоса.

– У нее прекрасный голос. С возрастом эта легкая хрипотца пройдет, – твердо сказала Морган. – А с Фредди я уже все обсудила.

Нейт едва ли выглядел убежденным.

– Кроме того, сегодня во время ланча один ребенок заметил ее гольфы и сказал, что их потеряла его старшая сестра.

– Кто-то назвал Эйс воровкой?

Морган подумала, что у Нейта будут проблемы с челюстью, если он будет так стискивать зубы.

– Сесилия ответила, что взяла гольфы из коробки, куда складывают все найденные вещи.

– Но почему? – Нейт был искренне озадачен.

– Когда вы в последний раз покупали ей одежду? – мягко спросила Морган. – Мистер Хетоуэй, я отправляла вам сообщение о том, что неплохо было бы пройтись по магазинам с Сесилией.

– Я не читаю ваши записки.

– Почему?

– Потому что не хочу, чтобы какая-то выскочка, которая работает только первый год, учила меня, как воспитывать мою дочь. Да, и еще я не хожу по магазинам.

– Великолепно! А ваша дочь из-за этого страдает!

Нейт яростно уставился на нее. Женщина с более слабой волей в тот же миг откланялась бы и пулей вылетела за дверь. Но к счастью – или нет, – обретя новую силу с помощью «Радости одиночества» и восхитительного лилового дивана, Морган не отступила.

– Она именно из-за этого и взяла чужие гольфы... чтобы вам не пришлось ходить по магазинам. У нее нет никакой одежды ее размера. Она постоянно носит одно и то же. Она надевает походные ботинки с юбкой, мистер Хетоуэй! Вы это хоть замечали?

Он выругался, но в его глазах промелькнуло что-то помимо суровости. Это было еще хуже – это была боль.

– Кажется, я не обратил внимания. – Его голос стал немного, но все же другим. – Эйс могла бы и сказать.

– Она думает, что таким образом защищает вас.

Тень улыбки скользнула по губам, которые были настолько сексуальными, что сердце женщины могло перестать биться.

– Так оно и есть. Даже в продуктовые сложно ходить. Мне приходится ездить в магазин за город, чтобы избежать назойливых соседей.

«Точнее, соседок», – подумала Морган. Весь город прекрасно знал его историю: вдовец, с дочкой. Жена погибла два года назад, разбившись на машине. Прямо в сочельник.

– Отдел девчачьей одежды просто невыносим, – угрюмо продолжил Нейт. – Кругом розовый, куча женщин и оборок. – Он покачал головой. – Нет, я не хожу по магазинам. И точка.

– Я была бы рада сама сходить с Сесилией в магазин.

Услышав такое предложение, Мери Бет закатила бы глаза и посчитала Морган сумасшедшей. Связаться с семьей Хетоуэй – значит войти в замок чудовища, могучего и, скорее всего, неукротимого.

Но тень человеческих чувств, что на миг затуманила глаза Нейта, испарилась так же быстро, как вода с поверхности раскаленного металла.

– Мне не нужна ваша жалость.

Морган поздравила себя. Она сделала все, что могла, и теперь должна была уйти, чтобы спасти свое достоинство. Мери Бет одобрила бы, если бы она просто молча повернулась.

Естественно, Морган этого не сделала.

– Это не жалость. Так уж получилось, что я люблю ходить за покупками. Взять с собой Сесилию – это одно удовольствие для меня.

Глава 2

«Взять с собой Сесилию – это одно удовольствие для меня».

Да, Мери Бет точно сочтет ее сумасшедшей. Кроме того, находясь так близко к Нейту, Морган могла себе представить еще одно удовольствие... Или даже два.

– Я сам об этом позабочусь, – холодно произнес Нейт Хетоуэй и добавил с официальной вежливостью: – Спасибо, что заглянули, мисс Мак-Гир.

Потом он развернулся и направился к своему горну, задумавшись о работе. Морган пристально следила за ним, но вместо того чтобы удалиться, она приблизилась к корзине у стены, где лежали железные крючки для пальто. Она взяла одно изделие, ощутила его приятную тяжесть. В мире, где все было преходяще, где все было создано лишь для мимолетного наслаждения – например, как лиловый диван, – эти крючки были сделаны на века.

Да, это изделие, созданное руками Нейта Хетоуэя, было безупречно. Металл был гладким, словно шелк, изгибы были невероятно изящны. Как ему удалось сделать такое из железа?

– Предлагаю сделку, – внезапно сказала Морган.

Нейт обернулся.

– Одно из ваших изделий в обмен на то время, что я проведу с вашей дочерью. – Морган показала крючок, который держала в руках.

Она поняла, что выбрала идеальный способ: сделка не задевала его гордость и спасала от необходимости ходить по магазинам женской одежды.

Нейт коротко кивнул:

– Договорились.

– В субботу утром? Я заберу Сесилию в десять.

– Хорошо.

Он снова отвернулся. Морган увидела в его руках раскаленную полоску железа и пожалела, что у нее не хватит смелости на то, чтобы подойти и посмотреть, как он работает. Вместо этого она тихо покинула кузницу. И, уходя, поняла, что, взяв крючок для пальто, она взяла с собой частичку того, кто их изготовил. Морган осознала, что никогда не сможет смотреть на изделие, не воскрешая в памяти фигуру мужчины с молотом в руках у пылающего огня.

– Интересно, во что же это я такое впуталась? – вслух спросила себя Морган, минуя дом. Она нашла в сумке сложенный листок бумаги – разрешение на участие в «Рождественском ангеле» – все еще не подписанное.

– Эйс, послушай, – нерешительно начал Нейт. – Помнишь, я обещал взять тебя на выставку старых автомобилей сегодня утром?

Дочь в старой пижаме рисовала, сидя за кухонным столом. Пижамы совсем выцвела и была слишком мала, из-за чего девочка выглядела крохой. Его крохой.

Он снова разозлился на тех детей, которые дразнили ее. И ощутил раздражение из-за молоденькой учительницы, которая вообразила, что знает все на свете.

Он старался думать о ее визите как можно меньше, и не только потому, что сразу вспоминал о своих неудачных попытках стать образцовым отцом.

Эта учительница была хорошенькой. Раздражающе хорошенькой.

И когда он думал о ней, то, вопреки воле, мечтал о ее приятной стороне – об ухоженных медных волосах, сияющих зеленых глазах, изящной фигуре, – а не о раздражающей.

Эйс посмотрела на него. Ее короткие рыжие волосы торчали как попало – все-таки лучше, чем зубная паста или неаккуратная коса, которую он сам пытался заплетать.

– Мы не поедем смотреть на машины? – спросила она.

Нейт терпеть не мог разочаровывать ее. И поэтому так до сих пор и не сказал, что планы на субботу изменились. В случае с Эйс иногда нельзя было позволять ей слишком долго думать о чем-либо.

– Мы не поедem смотреть на машины? – повторила она, и в ее голосе почувствовалось напряжение.

Все именно так, как он и предполагал. Дочь в отчаянии.

– Нет. Твоя учительница зайдет к нам. – Он уже подготовил пухлый конверт с деньгами, чтобы Морган Мак-Гир могла оплатить все покупки. Однако угрызения совести казались не такими страшными по сравнению с перспективой похода в магазин.

Разочарование испарилось с лица девочки.

– Миссис Мак-Гир? – с восхищением прошептала Эйс. – Она придет сюда?

– Это совсем не визит папы римского, – слегка раздраженно ответил Нейт, понимая, что слегка переоценил привлекательность старинных автомобилей.

– Какого папы римского?

– Ну, значит, королевы английской.

– К нам придет королева? – спросила сбита с толку Эйс.

– Нет, к нам придет мисс Мак-Гир. Она пойдет с тобой за покупками.

Эйс выронила карандаш.

– Я пойду за покупками с миссис Мак-Гир? Я? – Она широко распахнула карие глаза, издала вопль радости и заскакала по кухне, отплясывая какой-то дикий танец.

Нейт сомневался, что счастливчик, выигравший в лотерею миллион долларов, мог быть более воодушевлен.

Ладно, пожалуй, он сильно переоценил привлекательность автомобильного шоу.

Нейт улыбнулся, глядя на восторг дочери, и тут же упрекнул себя в том, что такие моменты были слишком редки после смерти жены. Гололед. Автомобильная авария в сочельник. Синди умерла на следующий день. Винить было некого.

Эйс неожиданно остановилась. Ее личико погрузнело, она была похожа на воздушный шарик, из которого разом выпустили воздух.

– Нет, – храбро сказала Эйс, хотя ее губы дрожали. – Я не пойду за покупками с миссис Мак-Гир. Я не могу.

– Почему это?

– Потому что суббота – это наш день. Твой и мой, папа. Навсегда.

– Ну, один раз можно и...

– Нет, – твердо повторила девочка. – Я тебя одного не оставляю.

– Со мной все будет в порядке, Эйс. Я сам съезжу на показ автомобилей.

– Нет, – настаивала она. – Это наш день.

Девочка попыталась улыбнуться, но, в течение нескольких секунд пытаясь скрыть, каких жертв стоило ей это решение, не выдержала, расплакалась и убежала в ванную.

– Ну же, Эйс. – Он постучал по двери ванной комнаты. – Давай устроим наш день завтра. Поедем к тете Молли, и ты покатаешься на Счастливчике.

Эйс просто обожала Счастливчика – шетландского пони, которого тетя Молли подарила ей на прошлое Рождество.

Но сегодня не сработало даже это. Из-за закрытой двери доносились только всхлипывания.

Нейт знал, что ему следовало сделать, и это было действительно серьезным испытанием его родительских чувств.

– Может быть, – начал он, надеясь, что какое-нибудь чудо – землетрясение, например, – помешает ему закончить предложение, – раз уж это наш день, я мог бы пройтись по магазинам вместе с вами.

Землетрясения не произошло. Загнанный в угол, мужчина закончил предложение без какого-либо вмешательства со стороны Вселенной, которая, кажется, была не за него.

Тишина. Скрип открывшейся двери. Влажные карие глаза Эйс смотрели на него. На ее ресницах еще виднелись слезы.

– Правда, папочка? – прошептала она.

Нейт скорее согласился бы раздеться догола, вымазаться кленовым сиропом и в таком виде пересечь город, чем идти за покупками с Эйс и ее поразительно разумной учительницей.

Но он проглотил готовые сорваться с языка слова и сделал то, что должен был, желая только, чтобы Морган, которая с такой уверенностью критиковала его отцовские таланты, оказалась здесь и увидела, как он ведет себя.

– Конечно, – сказал он нарочито небрежным голосом. – Я схожу с вами.

Чувствуя себя как человек, которого поймали у ворот тюрьмы, чтобы вернуть обратно, Нейт опустил конверт с деньгами в карман.

– Папа, ты уверен? – недоверчиво переспросила Эйс. Она знала, как он ненавидел магазины.

– Я тоже не хочу пропускать наш день, – уверил он ее.

Нейт просчитывал варианты: может, это и не так долго. Поездка в единственный торговый центр в Кентербери, отдел одежды для девочек, покупка нескольких костюмов – в розовых тонах, пожалуй, – запихнуть это все в пакет и вернуться обратно. И еще он надеялся на то, что в торговом центре никого не будет. Ему совсем не хотелось, чтобы по городу поползли слухи о нем и учительнице.

Ему пришло в голову, что, при некотором везении, они еще могли успеть на показ автомобилей. Наверное, радость отчетливо отразилась на его лице, потому что Эйс выскочила из ванной и обхватила его тонкими ручками.

– Папочка, – сказала она с той легкой хрипотцой, за которую и получила прозвище, и поглядела на него с обожанием, которого Нейт не заслуживал, – я люблю тебя.

Эйс спасла его также от объяснений с мисс Морган Мак-Гир – девочка первой бросилась открывать дверь, когда раздался звонок.

Одетая в то, что она называла своим лучшим костюмом – заношенные розовые джинсы и выцветшая футболка, – Эйс распахнула дверь.

– Миссис Мак-Гир! – закричала она. – Мой папа тоже поедет! Он пойдет за покупками вместе с нами.

И девочка от полноты чувств заскакала на одной ножке, а Морган проскользнула в дверь. Нейт неожиданно осознал, что порядок в его доме сложно назвать образцовым, и его раздражало то, что он заметил это. Он изо всех сил сопротивлялся порыву заткнуть под кушетку пару рабочих носков, забытых на полу. Морган была учительницей – и Нейт чувствовал, словно ему выставляют оценку: за брошенные на кофейном столике газеты, за тонкий слой пыли на всем вокруг, за одежду из прачечной, наваленную на ручку кушетки...

Возле любимой игровой площадки Эйс – у камина – валялась целая куча полураздетых кукол, облысевшая плюшевая собака и конструктор.

Но, стараясь не показывать то, что его волнует мнение Морган Мак-Гир о его квартире, Нейт прислонился к двери гостиной и засунул руки в карманы джинсов.

Однако Морган была так ошеломлена известием о том, что Нейт поедет с ними, что не заметила беспорядка. И она покраснела.

Нейт был удивлен и очарован, помимо своей воли, тем, что она смущается из-за такой ерунды, как поездка в торговый центр с шестилетней девочкой и ее отцом, который ничего не смыслит в моде.

Молоденькая учительница была такой привлекательной, какой он ее запомнил – и даже еще привлекательнее с румянцем на щеках.

– Я удивлена, что вы решили присоединиться к нам, – сказала Морган, вздергивая подбородок. – Мне показалось, вы ясно высказались насчет вашего отношения к магазинам.

Он пожал плечами, наслаждаясь ее неудовольствием, которое почти скрасило его отвращение к походу за покупками. Почти.

– Я подумала, мы можем поехать в Гринвилль, – предложила Морган, звеня ключами от машины.

Почему ему доставляло такое удовольствие смущение учительницы? И как можно быть довольным и раздраженным в одно и то же время? Поездка в Гринвилль займет целый день!

– А я думал, мы поедем к Финнигану, здесь, в Кентербери.

И почему в этот раз предложение поехать к Счастливику не подействовало на Эйс?

– К Финнигану? – спросила Морган. – Кхм.

Так можно было бы отреагировать на попытку продавца в рыбном магазине всучить протухшую треску.

– Там не очень большой выбор, – заметила она.

– Но до Гринвилля ехать целых полтора часа! – запротестовал он.

К тому времени, как они туда доберутся, уже будет пора перекусить. А потом еще за покупками... Автомобильное шоу таяло прямо на глазах.

Ланч с учительницей? Его жизнь, такая однообразная после смерти Синди, разлетелась на осколки и стала намного более запутанной.

– Это ближайший нормальный торговый центр, – ответила Морган, и Нейт понял, что она может переупрямить кого угодно – возможно, даже его. Об этом говорили и ее настойчивые послания из школы. – Там мы купим самые лучшие наряды.

– Самые лучшие. – Эйс выдохнула. – А мы можем зайти в «Шоу-Кэйв»? Там Бренде Уэстон купили зимнюю куртку с белым мехом.

Нейт с удивлением посмотрел на дочь. Оказывается, она знала название магазина в Гринвилле и интересовалась куртками с белым мехом.

– Придется подчиниться, – пробормотал он, хотя слово «подчинение» совершенно исчезло из его лексикона за последние два года.

– Простите? – переспросила Морган.

– Говорю, поехали.

Однако, увидев машину, Нейт в очередной раз пожалел о своем решении. Это была маленькая машинка, в которой он при всем своем желании не мог удобно разместиться. А до Гринвилля целых полтора часа.

И даже если он решил подчиниться, он не собирался добавлять к своим мучениям еще одно.

– Машинки на карусели и то больше по размеру, – пробормотал он. – Лучше поедем на моей.

В самой мисс Морган Мак-Гир было что-то напоминавшее о пытках. Это заставляло его думать, что часть его души, мертвая уже два года, способна ожить.

Но кто в здравом уме захочет оживлять то, что причинило ему такую боль?

Глупые мысли для мужчины, которому предстоит всего лишь провести полтора часа в машине с хорошенькой Морган Мак-Гир. Все же он был уверен, что эти полтора часа покажутся самыми долгими в его жизни.

Неожиданно ему вспомнился старый разговор:

«Я бы хотела, чтобы ты узнал, что такое любить, Нейт».

«Но я люблю тебя, Синди».

«Нет. Любовь – это когда голова идет кругом, и все летит к черту, и дыхание перехватывает. Вот что это такое».

Синди была девушкой его лучшего друга. Дэвид пошел служить в армию и погиб. Кажется, горе убьет и ее, но Нейт сделал все, что мог – ведь он пообещал Дэвиду позаботиться о ней.

«Голова кружится? Дыхание перехватывает? По-моему, так это совсем не весело».

Она тогда грустно рассмеялась:

«Хэт, ты понятия не имеешь, о чем говоришь».

Он засомневался, что его сердце сделано из железа, когда оказался в одной машине с Морган и легкая вуаль ее духов окутала его.

Хотя и у железа были свои секреты. Оно было твердым лишь до тех пор, пока его не нагревали. Возле огня железо становилось мягче масла. А в такой женщине, как Морган Мак-Гир, огня было куда больше, чем позволяла увидеть ее безукоризненная внешность.

Но Нейт не собирался проверять это. Он надеялся, что сможет оставаться бесстрастным, несмотря на этот нежный аромат духов.

Все просто. В конце концов, Нейту удавалось сохранять равнодушие в присутствии любой другой женщины, которая считала, что они с Эйс нуждаются в ласке, любви и спасении. А он ни в чем не нуждался. И гордился этим.

Иногда казалось, что у него есть только эта гордость – и Эйс конечно же.

Когда они все разместились в его просторном автомобиле, Нейт понял, что не сможет оставаться бесстрастным – он постоянно ощущал присутствие Морган на заднем сиденье, рядом с Эйс.

И он также осознал, что поездка в Гринвилль оказалась очень, очень короткой. Все потому, что Морган согласилась изменить машину, но не свои планы. А она планировала превратить этот день в праздник для Эйс, и ее искренняя забота о дочери смягчила его сердце. И ему это совершенно не нравилось.

Нейт изо всех сил сопротивлялся попыткам Морган вовлечь его в разговор, но чувствовал легкий стыд из-за того, что обычно во время долгих поездок с Эйс просто включал какой-нибудь фильм.

Он искоса взглянул на Морган. Ее глаза сияли искренним счастьем.

Нейт понимал, что после смерти Синди он жил будто во тьме, в постоянном сожалении, в отчаянии от своей беспомощности. Свет Морган пронзал его насквозь, и он не собирался позволять это.

– Мы едем, едем, едем, в далекие края. – Морган Мак-Гир пела с энтузиазмом, который отчасти извинял полное отсутствие слуха.

Она была молода и совершенно наивна и никогда не переживала таких тяжелых времен, какие выпали на его долю.

– Мы едем, едем, едем...

Нейт потряс головой, не желая втягиваться в сияющий мир Морган Мак-Гир. Из этого ничего хорошего не выйдет. Когда что-то твердое встречается с мягким, мягкое всегда страдает.

Самое лучшее, что он мог сделать для этой учительницы, которая так заботилась о его дочери, – это не отплатить болью за ее заботу.

И влечение к ней, которое пробуждал ее аромат, ее голос и энтузиазм, могло привести только к страданию.

И он был достаточно циничен, чтобы признать это. А вот она – вряд ли.

Морган бросила быстрый взгляд на Нейта Хетоуэя. За все то время, что они провели вместе в дороге, он не сделал ничего, чтобы изменить ее первое впечатление о нем как о мужчине, который способен укротить железо своей волей.

Он был воином. Покрытым шрамами, полагающимся только на себя, прячущим эмоции за такими высокими стенами, которые невозможно преодолеть. Именно поэтому Морган так и тянуло попытать силы.

Она всю дорогу пыталась вызвать у него улыбку, напевая ужасным голосом, пыталась втянуть его в разговор. Конечно, она объяснила себе, что делала все это для того, чтобы Эйс увидела отца с другой стороны, но это было не всей правдой.

Во время их первой встречи в кузнице Морган заметила тень улыбки на его губах и пыталась вернуть ее. Но у нее ничего не вышло. Чем больше она старалась, тем более отчужденным казался Нейт. Однако она не могла не восхититься тем, как он посматривал на Эйс на заднем сиденье, как терпел все выходки Морган ради дочери.

Да уж, такого мужчину, как Нейт Хетоуэй, едва ли можно было встретить в шумном ресторанчике «Сырный Чарли», где между столиков сновали одетые цыплятами официанты.

Без лишних слов Нейт съел отвратительную еду и сунул официанту-цыпленку чаевые.

– Ну, было весело? – спросила Морган, когда они вышли.

– Да! – воскликнула Эйс. Однако даже она заметила, что ее отец едва ли выглядит довольным.

– Папочка, разве это было не здорово?

– Так же здорово, как если бы меня били молотком по голове, – пробормотал он.

– Звучит не очень весело, – отметила Эйс.

– Вот именно, – угрюмо ответил Нейт.

Эйс побежала к машине, и Морган украдкой вздохнула.

– Как вы только позволили себя уговорить?

Нейт поколебался, потом кивком указал на Сесилию:

– Мы всегда проводим субботу вместе. Это традиция. С тех пор, как ее мать умерла. Сегодня я готов был пропустить один день, но она – нет.

– Да под этим суровым обликом скрывается настоящее золотое сердце, а, Нейт Хетоуэй?

Морган наконец-то получила долгожданную улыбку, но не ту, на которую надеялась. Холодную. Циничную.

– Не обманывайте себя.

Вместо того чтобы пробраться через стены вокруг его сердца, Морган заставила его поставить дополнительную стражу. Это ее просто взбесило. Что ж, если она не могла его развеселить, то, по крайней мере, у нее появился шанс помучить его.

– Что ж, если вам понравился «Сырный Чарли», то от «Шоу-Кэйв» вы будете в полном восторге, – пообещала она.

Нейт бросил на нее мрачный взгляд, от которого по телу Морган пробежала дрожь.

В магазине эксклюзивной одежды для девочек Нейт почувствовал себя в десятки раз хуже. Мрачный, высокий, он казался неуклюжим среди этих нарядов с кружевами и оборками всех оттенков розового.

Игнорируя его недовольство и в то же время наслаждаясь им, Морган и Сесилия с энтузиазмом принялись выбирать, и вскоре их руки были заняты целой грудой блузок, футболок, платьев и юбок.

– Отлично, – сказал Нейт, когда понял, что они больше унести не в состоянии. – Закончили? Можем уходить?

– Она должна все это примерить.

– Что? – Он выглядел как волк, попавший в капкан. – Зачем? Просто купим это все и поедем домой.

Нисколько не смущаясь тем, что она так наслаждается его отчаянием, Морган наклонилась и прошептала:

– Этот магазин очень дорогой. Пусть Сесилия выберет пару вещей здесь, а остальное купим в другом месте.

– В другом месте? – Нейт закрыл глаза и застонал. – Давайте просто купим эту чертову одежду. Не важно, сколько она стоит. Я не хочу идти еще куда-нибудь.

– Так нельзя, – твердо произнесла Морган. – Мы находимся в магазине всего лишь десять минут. Не будьте ребенком.

От удивления у Нейта отпала челюсть. Он поспешно закрыл рот и – Морган была в этом уверена – закрипел зубами, прежде чем выдавить:

– Ребенок? Я?

– И еще, не могли бы вы перестать ругаться? Сесилия употребляет эти слова в школе.

– Что, «чертовы» – это ругательство? – Нейт был изумлен этим не меньше, чем нахальством Морган, осмелившейся назвать его ребенком.

– Именно, – храбро ответила она.

Нейт посмотрел на нее так, будто она только что свалилась с другой планеты. Он нахмурился, засунул руки в карманы и тоскливо воззрился в сторону двери. И в этот момент к ним, пританцовывая, подбежала Эйс, показывая еще одну находку:

– Смотри! Эти джинсы с блестками просто супер!

Нейт тяжело вздохнул, бросил мрачный взгляд на Морган, на который она ответила беззаботной улыбкой, и позволил Эйс потащить его в сторону примерочной.

Примерочные, как и все в «Шоу-Кэйв», были сделаны к вящему удовольствию девочек. Помещения, украшенные к Рождеству, напоминали сказочный дворец.

И именно там, на розовом, обтянутом сатином креслице, сидел Нейт Хетоуэй. Но, глядя на дочь в новых нарядах, он хмурился все меньше, хоть и не улыбался.

Домой они ехали уже в сумерках. Эйс сразу же уснула на заднем сиденье, утонув в пакетах с одеждой и коробках с обувью. Их можно было бы положить в багажник, но девочка запретила.

Эйс уже надела новую курточку с белоснежным мехом, которая была обречена стать предметом зависти всех школьниц, и блестящие красные кожаные туфельки.

– Она совершенно вымоталась, – заметил Нейт, бросив на нее взгляд. – И неудивительно. Неужели все женщины рождаются со страстью к магазинам?

– Думаю, да.

– Как тогда получилось, что вы ничего не купили себе?

– Мы поехали сюда не ради меня.

Нейт взглянул на Морган, и в его глазах светилась теплота, пробившаяся сквозь все преграды, – но он быстро отвернулся.

Внимательно глядя на дорогу, Нейт включил радио, настроенное на станцию с рок-музыкой. Но, вновь посмотрев на спящую дочь, а потом на Морган, он принялся менять частоту до тех пор, пока не заиграла спокойная баллада.

– Почему вы зовете Сесилию Эйс? – спросила Морган.

Он заколебался, словно не хотел выдавать ей тайны своей семьи, но потом ответил:

– Ее мама звала ее Сиси. Это совсем неподходящее имя для семьи Хетоуэй... Сейчас я жалею, что так серьезно воспринял это.

Его голос был полон раскаяния. Морган знала про аварию. Она представила себе, что вот он, мужчина, который когда-то имел жену, целую жизнь впереди, а потом в одно мгновение все закончилось.

Нейт снова замкнулся в себе, он и так сказал больше, чем следует. Он был из тех сильных духом людей, которые не любят рассказывать другим о своей боли.

Их окутало молчание. Было что-то особенно приятное в том, чтобы ехать вот так, сквозь темноту, слушая тихую музыку, глядя на кружащийся снаружи снег, чувствуя его присутствие рядом.

Обычно, если Морган самой приходилось вести машину во время снегопада, она нервничала, но в этот раз она чувствовала себя защищенной, потому что рядом был мужчина, готовый оберегать тех, за кого нес ответственность.

И то, что он не смог защитить свою жену, окутывало его туманом боли и отчаяния.

Морган знала, что Нейта не было рядом с женой в момент аварии, но все равно он считал себя виноватым. Думал ли он, что ему следовало самому сесть за руль в тот вечер? Или не позволить ей ехать в бурю?

Нет, ей не следует спрашивать его об этом. Пока. Возможно, в другой раз... И почему Морган надеялась на последующие встречи? Только потому, что с ним она чувствовала себя такой защищенной?

Амелия бы этого не одобрила, но было так приятно полагаться на уверенность другого. Даже если это – слабость, Морган наслаждалась ощущением того, что о ней кто-то заботится.

Она посмотрела на решительные черты его лица, подсвеченного лампочками на панели управления. Он был спокоен, несмотря на то что снегопад усилился и дворники с трудом справлялись, очищая лобовое стекло от снега.

Возможно, Нейт Хетоуэй и нечасто улыбался, но Морган вдруг поняла, что, если неприятности вдруг прижмут к стене, именно за его спиной ей хотелось бы укрыться.

Эта мысль казалась необычной для независимой женщины, наслаждавшейся своим одиночеством, и Морган объяснила ее усталостью. И в тот же самый момент, словно стремясь подтвердить это, тепло в машине, радио, снегопад – все это вызвало в ней непреодолимую сонливость. Моргнув, она уже не смогла открыть глаза.

Когда она проснулась, вокруг все было тихо. Радио выключено, машина пуста.

Морган ощутила тяжесть на плече и поняла, что это была рука Нейта. Даже сквозь куртку она ощущала тепло и силу его ладони. Ей снова захотелось спать.

– Морган, мы приехали.

Морган встряхнулась. Нейт стоял рядом, открыв дверцу автомобиля. Обернувшись, она увидела, что на заднем сиденье нет ни Эйс, ни покупок.

– Отнес в кровать, – сказал он, прежде чем Морган успела задать вопрос. – Подумал, что вы сами проснетесь, пока я буду перетаскивать вещи, но вы крепко уснули.

Морган почувствовала, что краснеет. Она очень надеялась, что не бормотала его имя во сне. Что же ей снилось – может, его долгожданная улыбка?

И вдруг, когда меньше всего ожидала, она увидела ее. Да, Нейт улыбался. Слабо, но так ясно, словно солнце, показавшееся из-за туч в ненастный день. Он протянул руку и коснулся ее щеки:

– У вас тут отпечаток от кресла. – Потом он резко убрал руку и отвернулся: – Мисс МакГир?

– Морган.

Он снова посмотрел прямо на нее, но на лице уже не было и тени улыбки.

– Вы превратили этот день в праздник для моей дочки. Давно я не видел ее такой счастливой. Спасибо вам.

А потом он наклонился и коснулся губами щеки, где только что были его пальцы. Поцелуй был таким нежным, что разом отвергал все, что она видела в его глазах.

Нейт отвернулся, вошел в дом и захлопнул за собой дверь, ни разу не оглянувшись.

Морган сидела в машине, ошеломленная, не понимая, было ли это продолжением сна. Наконец она смогла стряхнуть с себя оцепенение и пойти к своей машине.

Ночь была холодной и звездной. Морган дрожала – от холода или от того, что ушло тепло, которое она ощутила от прикосновения его губ?

Только подъезжая к дому, она поняла, что опять забыла о «Рождественском ангеле».

И да, она прекрасно знала, насколько все было глупым и безрассудным, да и вообще шло наперекор всем ее решениям и обещаниям, данным по приезде в Кентербери, оспаривало каждую страницу «Радости одиночества»... Но она все-таки собиралась использовать этот предлог, чтобы снова увидеть Нейта.

Глава 3

Никогда он больше не увидит ее. Ни за что. Морган Мак-Гир затронула ту часть души Нейта Хетоуэя, которую не следовало пробуждать.

Желание поцеловать ее, которому он последовал, должно было быть пресечено в самом начале.

Он словно целовал лепестки розы, такие свежие, такие притягательные. Прикасаясь губами к ее нежной коже, Нейт остро осознал пустоту его жизни. Это было слишком!

Он твердо решил никогда больше не встречаться с Морган Мак-Гир. Находясь в одиночестве в мастерской, он произнес эту клятву вслух:

– Я никогда больше не увижу ее. Не буду никогда иметь с ней никаких дел.

Ну вот. Их с Эйс жизнь была и так достаточно непростой, чтобы усложнять ее еще больше, впутываясь в отношения с учительницей.

Отношения? Именно поэтому он и не хотел пересекаться с ней. Всего лишь один день, проведенный с нахальной школьной учительницей, заставил его думать об отношениях?

Нет. Он твердо воспротивился, и на этом деле конец.

В городе все знали о легендарной дисциплине Нейта Хетоуэя: если он что-то говорил, то не отступал от своих слов ни на шаг.

Именно эта черта характера позволила ему снова запустить старую кузницу, которая на протяжении двух поколений приносила только убытки, и переделать ее по своему вкусу – в то, чем она стала ныне. Даже отец Нейта был настроен скептически, но скептицизм был в крови у семьи Хетоуэй. Таков был результат сурового воспитания и упорного труда с малых лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.